

Реперные точки текста

**I. Ольга Грушевская: открывает вернисаж.
Читает эссе Гу Юя.**

II. Бурдонов: Вступительное слово

- 1.** Год назад, когда Гу Юй прислал мне первое письмо, он уже перевёл
 - a) 10 стихотворений — 147.
 - b) 500 писем.
- 2.** А с Ли Цувэнь мы впервые встретились
 - a) как раз здесь — в Платоновке — на семинаре МОССАЛИТа о малых жанрах в поэзии и прозе.
 - b) 18 стихотворений и 2 стихотворения.
- 3.** С тех пор прошло не три, как написал Гу Юй в своём эссе, а уже 10 выступлений, в которых звучали стихи по-русски и по-китайски:
 - a) 6 раз в литературном клубе «Подвал №1»,
 - b) 2 раза в Отделе Китая Института востоковедения РАН,
 - c) на фестивале литературного эксперимента у Саши Бубнова
 - d) и в Союзе литераторов.
 - e) И вот теперь, завершая год, — опять в МОССАЛИТе.
- 4.** В журнале «Московский BAZAR» русско-китайские и китайско-русские стихи появились во всех двух номерах 2019 года: апрельском и октябрьском.
- 5.** А летом мы с Ли Цуйвэнь издали вот такую книжку (**показываю**).
 - a) Это книга-билингва и книга-перевёртыш:
 - b) с одной стороны мои стихи и перевод на китайский Гу Юя,
 - c) с другой стороны стихи Вэнь Синь (это литературный псевдоним Ли Цуйвэнь) в моём переводе.
 - d) У меня ещё осталось несколько экземпляров. Перед фуршетом подарю её всем желающим.
 - e) И вот ещё две мои книжки.
 - f) «Дао Дэ Липовка вэй» — это такой уток по основе «Дао Дэ взин». С этим названием у меня была здесь, в Платоновке, выставка в позапрошлом году. Тогда, я помню, у меня не хватило экземпляров. Я допечатал ещё, и вот опять могут подарить желающим.
 - g) Третья книжка — «Ритуальные числа». Она вышла в 2008 году и в ней стихи, написанные в прошлом тысячелетии.
- 6.** В сентябре я поехал в Китай.
 - a) Это было третье путешествие в Китай, каждый раз 16 дней и 6 человек.

- b) А точнее, 7, потому что каждый раз нашу поездку организовывала и сопровождала нас замечательный гид и красивая женщина Мин Хайчжэнь. Для русских она взяла себе имя Наташа.
 - c) Нанькайский университет находится в г. Тяньцзинь — это 100 км от Пекина, население 14 млн.
 - d) Там мы встретились с Гу Юем
 - e) и его другом, профессором Политехнического университета и каллиграфом Хао Эрци.
 - f) Потом было посещение могилы великого поэта Тао Юань-мина в горах Лушань в провинции Цзянси.
 - g) Академик Алексеев говорил, что Тао Юань-мин оказал на китайскую поэзию такое же большое влияние, какое Пушкин оказал на русскую.
 - h) Потом был домик великого танского поэта Ду Фу в Чэнду в Сычуани.
 - i) И много всего другого, о чём я рассказывать сейчас не буду.
- 7.** А вот как появились эти картины.
- a) Пекинская Наташа подарила мне прекрасную бумагу, на которой я это всё и нарисовал.
 - b) Нарисовал кистями и тушью, которые мне подарил Гу Юй.
 - c) Поставил печати. Одну я когда-то сам придумал, а в первой поездке в Китай мне её вырезали в городе Гуйлинь в Гуанси-Чжуанском районе Китая на крайнем юге Китая.
 - i) Это маленькая квадратная печать внизу картин.
 - d) Вторую печать мне вырезали в сентябре в старом городе Лицзян провинции Юньнань на юго-западе Китая.
 - i) На ней написано: «Учусь у господина Пяти ив» — это значит «у Тао Юань-мина».
 - ii) Это для меня пекинская Наташа придумала такой текст.
 - iii) Эта большая печать — наверху картин.
 - e) Потом Гу Юй посоветовал мне сделать иероглифические надписи.
 - i) Он говорил: у Вас на картинах раньше была абстрактная каллиграфия, но там иероглифы не настоящие, а Вы напишите настоящие китайские иероглифы.
 - ii) Я ответил: боюсь! И какой из меня каллиграф, я и по-русски-то пишу как курица лапой.
 - iii) К тому же печати-то я уже поставил, а их ставят после текста.
 - iv) Но всё же решил попробовать. И вот что получилось, то получилось.
 - v) На картинах написаны строчки из моих стихотворений в переводе Гу Юя.
- 8.** Вот так получилась эта выставка.
- a) Я дал ей название «ГУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО».
 - b) Это слова великого китайского поэта и буддиста Ван Вэя, мастера монохромной живописи.
 - c) Он входит в тройку великих поэтов эпохи Тан вместе с Ли Бо и Ду Фу.

- 9.** Я нарисовал 25 картин, но на этой стене помещается только 9.
- Остальные я повесил поверх в два ряда на прищепках.
 - Мы сделаем так: вы будете выбирать картину,
 - мы с Ли Цуйвэнь будем читать, что на ней написано: по-китайски и по-русски,
 - для некоторых картин я прочитаю стихотворение, из которого взяты строки на картине, если оно не слишком большое,
 - потом Микаел Абаджянц и Кадрия, которые любезно согласились мне помогать, снимают картину, а мы переходим к следующей.
 - И так пока не останутся картины заднего ряда. Они останутся и после вернисажа, а остальные я увезу домой.

10. Но сначала я хотел бы поздравить всех с очередным новогодним праздником.

- Мы тут, в России празднуем всё подряд. Рождество два раза. А ещё разные хануки, курбан-байрамы и прочее. Это, наверное, из-за всемирной отзывчивости. У нас два новых года: новый и старый.
- Китайцы тоже растягивают удовольствие чуть ли не на месяц. Вот сейчас начался СЯ НЯНЬ — малый новый год или малый новогодний сочельник.
- Сегодня 25-й день 12-й луны (т.е. 12-го месяца). Отсчет дней с начала правления Хуан-ди в 2697 году до н.э. 4717.
- Меня поздравил с праздником Хао Эрци, а я поздравляю всех вас. Хао Эрци прислал мне детскую новогоднюю песенку. Я хочу попросить Ли Цуйвэнь спеть её по-китайски, а сам прочитаю свой перевод на русский.

二十三, 糖瓜粘 ;	Двадцать три — заклеим рот леденцом ячменным,
二十四, 扫房子 ;	Двадцать четыре — подметаем дом,
二十五, 糊窗户 ;	Двадцать пять — заклеиваем окна,
二十六, 炖大肉 ;	Двадцать шесть — тушёная свинина,
二十七, 宰公鸡 ;	Двадцать семь — режем петуха,
二十八, 白面发 ;	Двадцать восемь — замешиваем тесто,
二十九, 蒸馒头 ;	Двадцать девять — пампушки на пару,
三十晚上熬一宿, 大年初一满街走。	С вечера тридцатого — бодрствуем всю ночь, Новый Год, Новый Год по всей улице идёт!

e) Пояснения:

- Заклеим рот — в этот день бог очага отправляется на небо докладывать Небесному императору о том, как прошёл год в этой семье. И вот, чтобы он не мог сказать ничего плохого, его кормят ячменными леденцами, которые очень липкие, рот у него склеивается, и он молчит.
- заклеиваем окна — раньше стекла не было, и окна заклеивали белой бумагой. В этот день её меняют.

- 11.** И ещё я прочитаю одно стихотворение, написанное в начале декабря.
- a) Гу Юй переводил очень много русской поэзии от Кантемира до ныне живущих. Пушкина, Лермонтова, все басни Крылова, Фета, Брюсова, Бальмонта, Бунина, Цветаеву, Рождественского, Гамзатова и т.д.
 - b) За это Гу Юй награжден медалью памяти Пушкина.
 - c) В прошлом году получил премию за перевод стихов Глеба Горбовского.
 - d) Гу Юй составляет книгу «Образы Китая в русских строчках».
 - e) Собственно, так он и вышел на меня.
 - f) Он просил меня рекомендовать других поэтов, которых я знаю.
 - g) Так появились переводы стихов Глеба Седельникова (поэтический псевдоним Валентин Загорянский), Марка Ляндо и Веры Сажиной.
 - h) У Марка есть стихи, которые натолкнули меня на сочинение одного стихотворения. Оно, правда, длинное, другие будут короче.

III. Бурдонов: Прогулка в горах Лушань-Алашань

Мне снилась прогулка в горах Алашань —
Так друг мой Ляндо называет Лушань.
Мы двигались медленно горной тропой
и щупали камни моею рукой,
под нею на камнях рождались штрихи,
которые Марк прочитал как стихи,
звучавшие горлом вечерней воды,
которая голосом пела звезды,
упавшей когда-то в горах Алашань
и утонувшей в озёрах Лушань.
Но тут я сказал, что, наверное, это
стихи не воды, не звезды, а поэтов,
которые скрылись в горах Алашань,
чтоб звёзды увидеть и воду услышать

в озёрах Лушань.

Но мне возражал престарелый Лян ДоУ:
стихи не поэтов, а инь-ян и Дао.
Мы спорили громко и до хрипоты,
пока не услышали как с высоты
упали какие-то тихие звуки
как падают листья с высоких бамбуков,
как падает с кисти холодная тушь,
как падают крылья вернувшихся душ,
как падает облако склоном горы,
как падают в ночь, не родившись, миры,
как падает в ночь прогоревший закат,
как падают крылья погибших цикад,

как будто играет разломанный цинь,
как будто по травам идёт цилинь.
И мне Марк Ляндо прошептал: «Прикинь!
Я чую какую-то чудную инь,
а может быть даже
Веру Сажину».

И я, приглядевшись, воскликнул: «Чутьё
твое не соврало, я вижу её!»

И, правда, откуда-то из стратосферы
к нам шла по тропинке чудесная Вера.
Она принесла непослушные ритмы
и пахнувшей горько настойки поллитру.
Мы выпили с Марком, а Вера не стала,
она танцевала и что-то шептала.

А после сказала: «Продолжим же тому!»

И белую бросила вверх хризантему.

И в небо поднялась Луны половинка,
и каждая что-то шептала травинка,
и силились камни о чём-то сказать,
а Вера сказала: «Давайте читать!

Пусть горы и воды услышат стихи».

Но мы промычали «ку-ку» и «хи-хи»,
уж пьяные были и я, и Ляндо,
уже не осталось в бутылке вино.

Тогда пошаманила Вера немножко,
и видим: спускается к нам по дорожке
какой-то мужчина в летящем халате,
и стрелки задвигались на циферблате,
и всё ускоряли свой бег по кругу обратно,
пока подходил человек, невероятно
похожий на господина

Тао Юань-мина.

Подошёл и представился: «Я Тао Цянь.

Что занесло вас в мою глухомань?»

Он сказал по-китайски на древне-китайском

как будто «динь-динь»

прозвенела струна на разломанном цине,
но мы поняли всё. Вы хотите узнать,

по какой же причине?

Перевёл нам наш друг и профессор Гу Юй

из Тяньцзиня.

И сразу все звёзды в ночи зазвенели,
мгновенно мы с Марком Ляндо протрезвели,

и пролепетали: «Хотите нашего вина?»
А бутылка-то пустая, но тут Вера Сажина
чего-то там покамлала, переговорила
с духами,
и все мы подняли бокалы полны,
и как ухнули!
А Вера Сажина из лунного света,
договорившись с фотонами,
достала хризантему и гостю преподнесла
с поклонами.
А после читали стихи нараспев а капелла,
и Луна танцевала на небе и тоже пела,
и пели цветы, и пели сосны,
и пели на травах ночные росы,
и пели камни и водопады,
и пели цикады и леопарды,
и пели тигры, пели лисицы,
пели волки и даже птицы,
и всем нам казалось: не камни, не воды,
не звери это —
поют проснувшиеся поэты,
которые скрылись в горах Алашань,
чтоб звёзды увидеть и воду услышать
в озёрах Лушань.
И так продолжалось, пока рассвета
желторотый птенец
вакханалии этой не положил конец.
И только тогда я понял, что это сон...
Но реальности скучной реальней
мне кажется он.
Я будто навечно остался в горах Алашань,
которыми друг мой Ляндю называет Лушань,
в которых беседуют тихо
Вера Сажина и Тао Цянь,
а им помогает наш друг и профессор Гу Юй
из Тяньцзиня,
и, как оказалось, ещё сохранилась струна
и тонко поёт на цине.

IV. Александр Белугин

В конце своего выступления выбирает картину.

V. Люди из публики выбирают ещё 4 картины.

VI. Ли Цуйвэнь: Деревенский дом и Во тьме ночной

Деревенский дом

Этот домик не мой,
А будто бы мне родной.
Будто старая мама
зовёт вернуться домой.
Вижу — на крыше труба.
Вижу — цыплята в траве.
И низенький тот плетень.
И спящих деревьев тень.
Везде и повсюду я вижу только
Мои мечты,
Мою любовь,
И [девичьи] грёзы на утренней зорьке.

Во тьме ночной

Во тьме ночной
ни звука.
Тускло светится окно
далеко-далеко.
В одиночестве
человек не спит, пьёт и плачет.
С огромного неба
звёзды взирают на землю,
пламень их ледяной.

В конце своего выступления выбирает картину.

VII. Люди из публики выбирают ещё 4 картины.

VIII. Светлана Сударикова зачитывает отзыв на книгу

IX. Игорь Бурдонов: пояснение к отзыву

1. Я хочу пояснить то, что упоминается в отзыве.
2. Отращивать бороду и живот — это чтобы поумнеть — из стихотворения УЧЕНИК КОНФУЦИЯ (99 строк). Оно есть в книге, я не буду его читать, потому что оно длинное - в нём и правда 99 строк.
3. А вот нашего домового и китайского бога очага в книге нет. Это из стихотворения «**Деревенский сон в летний день**», которое Гу Юй не переводил.
4. Я послал Гу Юю отзыв Янины Кузиной и это стихотворение.
5. Гу Юй тут же сделал перевод. Это пока последнее переведенное им стихотворение № 147. Я его прочитаю.

Под белым потолком избы,
кичащимся своею белизной,
два красных китайских фонарика,
кичащихся своею красотой,
висели.
А на печке
два домовых сидели,
свесив лапти.
Один из местных был,
в дырявом зипуне,
с запутанной смешною бородой,
уже, как видно, под хмельком,
и щурил монгольский глаз
с весёлой скорбью мировой.
Другой - китайский бог очага,
в халате драном,
с лоснящимся и круглым животом,
с китайской лысиной, китайскою улыбкой,
всё узил глаз, чтобы сдержать внутри
глубокой тёмной вечности трясину.
Обсуждали
цены на нефть, и рис, и хлеб,
космических полётов перспективы,
проблемы нанотехнологий,
коррупцию и прочие проблемы
геополитики,
изячно огибая
вопросы пограничного раздора,
и головами в ритм кивая.
Я притворялся спящим на диване.
Дверь отворилась, и вошёл китаец
в панаме.

Написано в деревне Липовка 28 июля 2017

Потом Сударикова выбирает картину.

X. Люди из публики выбирают ещё 4 картины.

XI. Вера Сажина

В конце своего выступления выбирает картину.

XII. Люди из публики выбирают ещё 4 картины.

XIII. Вне программы выступил китайский гость Жэнь Гунвэй — первый советник. Русско-китайский фонд развития культуры нового Шёлкового пути. Международная компания по развитию культуры ООО «Новый байкал» (Пекин)

XIV. Ксения Миронова

В конце своего выступления выбирает картину.

XV. Люди из публики выбирают ещё 4 картины, если Миронова будет.

XVI. Профессор Алексей Шеболдаев

XVII. Ольга Грушевская закрывает официальную часть вернисажа, говорит какие-то слова.

XVIII. Оля Грушевская приглашает всех на фуршет